

the spiritual culture, religious and other values of the Belarusian students on the basis of case studies are analyzed. Positive attitude to the national culture and the Belarusian language is revealed on the example of the students of the Belarusian State University of Culture and Arts. The opportunities of the effective person's enculturation by means of activities of cultural and educational institutions are determined.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 15.09.2013.

УДК 130.2+930.85(47+57)"19"

В. М. МИХЕЕВ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА: ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА РАЗВИТИЯ

Статья посвящена анализу теоретического наследия русского культуролога второй половины XIX в. К. Н. Леонтьева и его вклада в социально-философскую мысль России.

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) является одним из выдающихся мыслителей русской социальной философии, представители которой (Хомяков, братья Киреевские и Аксаковы, Самарин, Данилевский, Страхов) пытались сформулировать свое, русское мировоззрение, определить провиденциальный смысл русской истории и русского народа. Эту же тему разрабатывали почвенники (Ап. Григорьев, Ф. Достоевский), государственники (М. Катков, Л. Тихомиров, Н. Дебольский, П. Астафьев, Н. Бердяев), евразийцы от Трубецкого до Гумилева. Если в конце XIX в. теоретические взгляды К. Н. Леонтьева не пользовались широкой известностью и популярностью

(«...при жизни интересовались, пожалуй, лишь несколько десятков приверженцев» [2, с. 4]), то уже в конце XX и начале XXI в. труды мыслителя начинают переиздавать, интерес к нему все более возрастает, увеличивается количество защищенных диссертаций. Однако по-прежнему в отдельных работах исследователей ощущается непонимание его основных идей, происходит «осовременивание» или, наоборот, «привязывание» их только к прошлому, «тяготение» к негативным штампам и клише.

Теоретическое наследие К. Н. Леонтьева («... его творчество – не графоманство, не каприз, а неизбежная необходимость проявления внутренней потребности таланта, божьего дара, обусловленного также и самой жизнью» [2, с. 11]), наряду с разработками славянофилов, Н. Я. Данилевского, способствует самостоятельному поиску в рамках российской философской мысли решения тех проблем, которые поставило время перед славянскими народами. Леонтьев появился в социальной мысли России после славянофилов, почвенников, националистов и не пошел по проторенной дороге, а избрал свой путь, выражая те стороны русского самосознания, которые были затемнены, не исследованы в полной мере. Поэтому его не все понимают, а правильное сказать, понимают по-своему, то удаляясь от истины, то приближаясь к ней. И основная проблема нам видится в глубине и сложности изложенной им мысли. Русский философ Н. А. Бердяев в отличие от Д. С. Мережковского считал предшественником великого Ф. Ницше не М. Ю. Лермонтова, а именно К. Н. Леонтьева: «Воля к могуществу, аристократизм, трагическое чувство жизни, острый эстетизм, аморализм, сосредоточенность внимания на условиях цветения и декаданса культур – все это роднит Леонтьева с Ницше» [1, с. 74].

Значение наследия К. Н. Леонтьева во многом обусловлено тем, что он самобытно и глубоко смог выразить те стороны русской жизни, которым до него не придавали особого значения. Он один из немногих современников Н. Я. Данилевского, который по достоинству оценил культурологический поиск мыслителя, полностью разделяя его идеи о том, что Россия есть «глава мира возникающего», она «целый особый мир». По мнению философа, только не понимающий историю человек может не согласиться с этим, но в то же время К. Н. Леонтьев в теоретических поисках идет глубже, видя «весь вопрос в том, что несет в тайных недрах своих для вселенной этот, правда еще загадочный и для нас самих и для иноземцев колосс, которого ноги перестали и на Западе считать глиняными именно с тех пор, как они, вследствие эгалитарных реформ по западным образцам, немного ослабели и размякли?» [цит. по: 4, с. 37].

Мыслитель считал, что Россия готовит миру действительно своеобразную культуру, «культуру положительную, созидающую, в высшей степени новоединую и новосложную, простирающуюся от Великого океана до Средиземного моря и западных окраин Азии» [цит. по: 4, с. 37]. Ведь, по мнению культуролога, еще Данилевский доказал (неопровержимо), что с географической точки зрения Европы как таковой нет, а «есть лишь не что иное, как Атлантический берег великого Азиатского материка», весь «смысл слова “Европа” есть смысл исторический, т.е. место развития или поприще особой, последней по очереди культуры, сменившей древние, предыдущие, – культуры романо-германской» [цит. по: 4, с. 37–38].

В то же время К. Н. Леонтьев не был догматическим сторонником идеи самобытного развития России, ее культуры. Он писал: «Лишь время может рассудить, способны ли мы, загадочные славяно-туранцы, представить удивленному миру культурное здание, еще небывалой по своей обширности, по роскошной пестроте своей и по сложной гармонии государственных линий, или мы восторжествуем над всеми только для того,

чтобы всех смешать и всех скорей погубить в общей равноправной свободе и в общем неосуществимом идеале всеобщего благоденствия...» [цит. по: 4, с. 38]. Культуролог полагал, что «признаки благие, обещающие созидание, есть как будто у нас и теперь, еще прежде подобного торжества, но они слабы, неясны, еще нерешительны...» [цит. по: 4, с. 38], что «жить на началах исключительно европейских русским уже нельзя, надо стремиться со страстью к самобытности духовной, умственной и бытовой... И тогда и остальные славяне пойдут со временем по нашим стопам» [цит. по: 4, с. 51].

В своем прогнозе К. Н. Леонтьев исходил из выведенной им триединой формулы развития, которая заключается в следующем. Все мировые процессы, где бы они ни протекали – в космосе, обществе, человеке, – однородны и однотипны по своей сути, ибо проходят три фазы: первоначальной простоты; цветущей сложности; вторичной простоты, уравнивания и внутреннего смещения элементов, ранее различных и сложных.

В изложении автора данной формулы, Запад с его формально-буржуазным равенством, упрощением социальных связей вступил в стадию упадка, а Россия еще находится в фазе цветущей сложности. По мнению культуролога, для того, чтобы России использовать данное преимущество, ее национальности необходима высшая идея, просвещающая и ведущая к цели. В его представлении такой идеей был византизм – сильная монархическая власть и религиозность народа, крестьянская община, сословно-иерархическое деление общества. Национальность, считал К. Н. Леонтьев, есть лишь исходный материал, который должен обрабатываться особыми универсальными началами, высшей идеей. Для него был важен не народ сам по себе, а именно та идея, которая владеет народом. Государственные и религиозные начала для мыслителя выше национальных. Силу России он видит в византийских корнях, дающих строгий и ясный план обширного и поместительного здания. Высшая идея России является мировой исходя из византийских начал, и ее задача – спасти разлагающуюся Европу. План К. Н. Леонтьева заключался в образовании восточно-православного союза, включающего и мусульман, что позволило бы создать нечто более широкое и более независимое, чем образование из славян и только славян.

Россия в духовных построениях К. Н. Леонтьева могла возглавить такое образование нововосточной государственности и развить новую культуру, самобытную, приходящую на смену уходящей со сцены истории германо-романской цивилизации. Мысль культуролога была направлена прежде всего на обоснование и доказательство факта смещения в истории человечества центров культурной самобытности народов. Он справедливо полагал, что история мировой цивилизации не исчерпывается только достижениями романо-германской цивилизации. Каждый географический массив – Западная Европа, Азия, Америка, Австралия, Африка – вырабатывает свою самобытную культуру, находясь на разных стадиях развития. Спасение Европы, по мнению К. Н. Леонтьева, будет в Азии. Великий Восток во главе с Россией должен дать миру новую своеобразную, оригинальную цивилизацию – восточную. Если же Россия не возьмет на себя

эту миссию, то за нее это сделают другие. Будущее мыслитель видел в восхождении России, греко-славянского мира и Турции, а также Китая и Индии. Такова вкратце основная культурологическая концепция Леонтьева, которая является предметом изучения и дискуссий.

Всех, писавших о К. Н. Леонтьеве, можно условно разделить на две категории: те, кто интересовался его внутренним мировоззрением; и те, кого привлекала лишь внешняя сторона, эстетика. Из наиболее известных представителей первой категории выделим П. Е. Астафьева, а из второй – В. С. Соловьева.

Первым, кто обратил внимание на ценность идей культуролога, был писатель Н. С. Лесков. Об этом указывал в 1895 г. В. С. Соловьев в статье о Леонтьеве, включенной в энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [13]. Всесторонний анализ теоретического наследия культуролога в 90-е гг. XX в. сделал российский философ К. М. Долгов [2]. Необходимо отметить и плодотворную исследовательскую работу философов Российской академии управления под руководством профессоров Б. Н. Бессонова и А. И. Володина, труды которых во многом способствовали восстановлению памяти в конце XX в. о забытых русских мыслителях.

Творчество и судьба К. Н. Леонтьева глубоко трагичны. Русский человек, он переживал своеобразие русской жизни и культуры по воле судьбы вдали от родины – в Турции, Греции, на Востоке, что, несомненно, повлияло на его творчество. Как личность сумел проявить и выразить себя в разных областях, соединяя несоединимое: страстную любовь к жизни со всеми ее соблазнами и отказ от нее ради строгого монашеского аскетизма; один из самых пламенных патриотов России, он, с другой стороны, не верил ни в Россию, ни в русский народ; борец против либерально-эгалитарной Европы, поклонявшийся Востоку, он был и остался западником; будучи гуманистом, выступал против гуманизма и не мыслил дальнейшего развития без деспотизма, принуждения, неравноправия и силы; ученый, всю жизнь посвятивший защите самобытности России, считал истоком этой самобытности византийские начала и формы; будучи незаурядным политиком, призывал Россию и Европу вернуться к византийским церковным и государственным основам.

Несомненно, К. Н. Леонтьев – одна из центральных фигур в русской духовной культуре 1860–1890-х гг. Его политическая публицистика, литературно-критические статьи, проза выразили существеннейшие стороны русского мировоззрения. Мыслитель глубоко и всесторонне высказался по

Фрагмент надгробия
Гефсиманский скит
Троице-Сергиевой лавры (Сергиев
Посад, Московская область)

главным общественным, эстетическим, нравственным, религиозным вопросам своей эпохи. Он был достойным оппонентом известных писателей

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

и философов – Достоевского, Толстого, Соловьева, Данилевского. Однако оценки его творчества были и есть самые разнообразные: «диктатор без диктатуры», «мечтатель реакции», «поэт неравенства», «великий эстет и политик», «прорицатель грядущей России», «консерватор и охранитель», «неузнанный феномен», «разочарованный романтик» и даже «непревзойденный мастер социально-политического прогнозирования». И каждый из авторов этих эпитетов в чем-то по-своему был прав. К. Н. Леонтьев очень многообразен и как автор плодovit.

Более чем за полвека до О. Шпенглера, а затем и А. Тойнби, Х. Ортеги-и-Гассета Леонтьев предсказал негативные последствия эгалитарно-либерального прогресса, который охватит всю Европу и будет усиливаться по мере расширяющейся экспансии англосаксонской культуры и цивилизации: «... вся Европа с XVIII столетия уравнивается постепенно, смешивается вторично. Она была проста и смешанна до IX века: она хочет опять быть смешанна в XIX веке. Она прожила 1000 лет! Она не хочет более морфологии! Она стремится посредством этого смешения к идеалу однообразной простоты и, не дойдя до него еще далеко, – должна будет пасть и уступить место другим!» [5, с. 225]. Философ не задается вопросом о причинах этого прогресса, стремящегося все нивелировать, демократизировать, смешать, уравнивать и не только в европейских странах, но и во всем мире. Причины этого представляются ему скорее темными, таинственными, сверхъестественными, почти неопределимыми и непознаваемыми. Для него важно установить негативный характер прогресса и выявить последствия, к которым он уже привел и к которым еще приведет.

К. Н. Леонтьев существенным считал вопрос о том, как можно противостоять надвигающейся угрозе. Мыслитель отходит от учения славянофилов, которые видели основное противоядие против эгалитарно-либерального прогресса в славизме и панславянстве. Он первым применяет и вводит в научный оборот термин *византизм*. По мнению философа, «противоядие» есть только в византизме, который ему представлялся как концентрированное выражение принципов и основных религиозных, государственных, философских и художественных идей. «Византизм есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия. Славизм, взятый во всецелости своей, есть еще сфинкс, загадка» [5, с. 113].

Если всеславянство есть что-то аморфное, стихийное и неорганизованное, то, по убеждению К. Н. Леонтьева, «византизм в государстве значит – самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую на-

дежду на всеобщее благоденствие народов; что она есть сильнейшая анти-теза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства. Византизм дает также весьма ясные представления и в области художественной или эстетической: моды, обычаи, вкусы, одежда, зодчество, утварь – все это легко себе вообразить несколько более или несколько менее византийским» [5, с. 113–114].

В этом глубококом по своему содержанию определении византизма К. Н. Леонтьев указал основные критерии своеобразия европейской и русской культуры и цивилизации. Вера в византизм определила и его консерватизм: К. Н. Леонтьев считал, что без консервативных начал государственное развитие немислимо, как и развитие социальное и культурное. России могут угрожать лишь либерализм, демократия, конституция, идея социального прогресса. Он призывал «не поддаваться демагогическим лозунгам всеобщего равенства, не увлекаться то холодной и обманчивой тенью скучного, презренного всемирного блага, то племенными односторонними чувствами, то религией всеобщей пользы» [5, с. 145], только тогда удастся сохранить византизм как гарантию сохранения царя, самодержавия и народности – подлинно консервативных начал в России.

Консерватизм К. Н. Леонтьева стремился сохранить и возродить бы-лую мощь и красоту человека, человеческого общества, отвергая в то же время охранительность и реакционность самодержавных чиновников, был направлен на сохранение и развитие всего самого лучшего и самого прочного, что необходимо обществу, государству, отдельному человеку, но человеку избранному, из высшего общества, из правящих слоев. Мыслитель благоволил истокам силы, мощи и красоты, цветения жизни, полнокровной и разнообразной, а не юродству упрощения, уравнительности и стирания индивидуализации.

Глубокое и всестороннее изучение жизни славян привело К. Н. Леонтьева к выводу, что следует проводить довольно определенную и твердую политику, которая не наносила бы вреда ни России, ни самим славянам: отказаться от слепого и безудержного их восхваления и от такой же слепой и безудержной поддержки (болгаробесия, славянобесия): «Надо... хвалить и любить не славян, а то, что у них особое славянское, с западным не схожее, от Европы обособляющее. Не льстить славянам надо, а изучать их дух и отделять в их стремлениях вредное от безвредного. Не слития с ними следует ждать, – надо искать комбинаций, выгодных и для нас, и для них (а через это, может быть, и для охранительных начал самой Европы); надо искать... искусного тяготения на почтительном расстоянии, а не смешения и слития органического» [11, с. 257].

К. Н. Леонтьев аргументированно подчеркивал, что ориентация славян на западные ценности, либеральные свободы и демократию неизбежно приведет их к противоречиям с самодержавной Россией, росту взаимного недоверия и враждебности. На этот же аргумент обратил внимание и Ф. М. Достоевский, который в разгар русско-турецкой войны 1877–1878 гг. писал: «Не будет у России и никогда еще не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские

племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!.. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерна, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же...» [3, с. 78–80].

История дальнейших взаимоотношений России со славянами и славянскими странами полностью подтвердила пророческие выводы мыслителя. К сожалению, его дальновидность и советы никто всерьез не воспринял, а в политике России до и после 1917 г. было сделано немало ошибок, принесших ощутимый вред и России, и славянским народам, и другим странам.

К. Н. Леонтьеву также принадлежит заслуга изучения социальной и национальной психологии славянских народов. Он обратил внимание не на изменчивые политические взгляды, а на то, что остается более или менее неизменным и устойчивым в жизни народа, то, что определяет пределы политических колебаний: «А в жизни самой есть некоторая вековая устойчивость бытового типа, общего духа, который меняется медленно и который хорошо понять и разносторонне исследовать полезно не только в смысле теоретического расширения знаний, но и с практической целью: ибо, сколько ни меняются политические течения, есть, однако, известные роковые пределы, за которые колебания эти целые века переступить не могут. Эти-то пределы политических колебаний, возможные для одной и той же нации, и обуславливаются внутренним строем этой нации, ее вероисповеданием, ее преданиями и даже вкусами, ее социальным устройством, которое кладет свою глубокую печать на личный тип или психический строй самих граждан» [11, с. 286].

Опыт национальной психологии, разработанный философом, позволил ему довольно объективно охарактеризовать индивидуальную и социальную психологию русских, греков, болгар, сербов, чехов, других народов, включая турок и европейцев – немцев, французов. Этот опыт важен не только для познания духа народов, но и для того, чтобы устанавливать соответствующие политические, социальные, экономические, культурные отношения между ними. Предвидя дальнейший ход событий, ученый писал, что «для восточнославянского мира нужно как можно менее единства государственного, политического в тесном смысле и как можно больше единства церковного. Со стороны политической желательнее не слияние, но... лишь какое-нибудь подчиненное тяготение и на почтительном расстоянии; союз государств, а не однородное и даже не слишком тесно сплоченное союзное государство» [11, с. 309]. Данная мысль культуролога не менее актуальна и в начале XXI в., когда Россия пытается интегрировать Беларусь, Казахстан (возможно и Украину) в рамках Евразийского экономического союза.

Идеи, изложенные в программной статье «Византизм и славянство» (1875), а также в статье «Русские, греки и юго-славяне» (1878), К. Н. Леонтьев развивал в последующих работах: «Письма отшельника», «Храм и церковь», «Письма о восточных делах», «Средний европеец как идеал и

орудие всемирного разрушения», «Племенная политика как орудие всемирной революции», «Плоды национальных движений на православном Востоке», «Чем и как либерализм наш вреден?», «Как надо понимать сближение с народом?», «Над могилой Пазухина» и др. В них К. Н. Леонтьев проявил себя беспощадным критиком либерализма, либерально-эгалитарного прогресса, демократии, космополитизма, национализма, социализма и коммунизма. Мыслитель смог увидеть в них слабые и уязвимые места.

Так, в национально-либеральном учении он предвидел замаскированную революцию, а в революции – такую силу, которая способна будет привести к смешению и уравниению всего и вся, к уничтожению основных начал, обуславливающих существование могучих держав, великих народов с их религией, нравственностью, культурой. Именно поэтому К. Н. Леонтьев выступал категорически против либерализма и национализма, демократии и социализма во всех их видах и формах. «Истинно национальная политика должна и за пределами своего государства поддерживать не голое, так сказать, племя, а те духовные начала, которые связаны с историей племени, с его силой и славой. Политика православного духа должна быть предпочтена политике славянской плоти... Национальное начало вне религии не что иное, как начало эгалитарное, либеральное, медленно, но зато верно разрушающее... Панславизм – это неизбежность... Но панславизм православный есть спасение, а панславизм либеральный есть гибель прежде всего для России» [8, с. 363–364]. И еще его более резкое суждение: «Национально-либеральное начало обмануло всех... оно явилось лишь маскированной революцией, – больше ничего. Это одно из самых искусных и лживых превращений того Протея всеобщей демократизации, всеобщего освобождения и всеобщего опошления, который с конца прошлого века неустанно и столь разнообразными приемами трудится над разрушением великого здания романо-германской государственности» [7, с. 386–387].

К. Н. Леонтьев считал, что либерализм и демократия неизбежно приводят к разрушению вековых нравственных устоев, к анархии, опошлению традиций, ценностей, идеалов, росту преступности, к снижению духовного и культурного уровня, стиранию индивидуальных различий, усреднению и уравниванию всего и вся, к вырождению, увяданию и разрушению высочайших интенций и основ национального духа и народного творчества. Поэтому культуролог и стремился к тому, чтобы Россия сохранила свою самобытность – религиозную, государственную, культурную, чтобы она оставалась собой, не вовлекалась в губительный процесс мещанского либерально-демократического прогресса.

Понимая, что настоящая политика может быть только созидательной, но не разрушительной, Леонтьев тесно связывал ее с культурой: «Под словом культура я понимаю вовсе не какую попало цивилизацию, грамотность, индустриальную зрелость и т.п., а лишь цивилизацию свою по источнику, мировую по преемственности и влиянию. Под словом своеобразная мировая культура я разумею целую свою собственную систему отвлеченных идей – религиозных, политических, юридических, философских,

бытовых, художественных и экономических» [7, с. 386–387]. Такая система идей живет в народе бессознательно, хотя в жизнь она проводится сознательно, что и позволяет культуре надолго переживать существующие социально-политические системы.

Подобное понимание позволяет по-новому оценивать культурный уровень разных народов. Так, по К. Н. Леонтьеву, Китай культурнее Бельгии, индусы культурнее североамериканцев, русские староверы или скопцы гораздо культурнее русского народного учителя, ибо, чем самобытнее народ, тем он культурнее. Вот почему столь губительны для подлинной культуры космополитический демократизм и политический национализм – два оттенка одного и того же цвета, равно как губительны и стремления к равенству, свободе и демократии. Чтобы противостоять разрушительному эмансипационно-эгалитарному прогрессу, враждебному государственной, церковной и сословной дисциплине, человечество, считал мыслитель, «вынуждено будет прийти к новым формам юридического неравенства, к новому и сознательному поклонению хроническому, так сказать, деспотизму отношений» [7, с. 383]. Деспотизм необходим для того, чтобы обуздывать возрастающую анархию и распад государственных и общественных устройств, ибо деспотизм – это внутренняя структура содержания (иерархия церкви, общества, сословий и т.д.). На созидающие действия способна лишь новая организация – «хронический деспотизм... в высшей степени неравномерный и разнообразный деспотизм; постоянная и привычная принудительность всего строя жизни» [7, с. 392]. К. Н. Леонтьев был убежден, что принуждение никогда нельзя исключать из жизни человеческого общества, поскольку без него оно неизбежно начнет вырождаться и погибать.

Необходимо отметить, что мыслитель вынашивал и ряд других идей, которые сегодня могут быть восприняты не иначе как утопические. Например, он считал, что новая жизнь требует и нового политического и культурного центра – сверхнационального, возможно, западноазиатского. Его мечты о новой, независимой, многосложной славяно-восточной цивилизации, которая должна будет заменить романо-германскую цивилизацию, связывались с завоеванием Царьграда, где и будут заложены основы нового культурно-государственного здания: «Итак, будут тогда две России, неразрывно сплоченные в лице государя: Россия – империя с новой административной столицей (в Киеве) и Россия – глава Великого Восточного Союза с новой культурной столицей на Босфоре» [7, с. 383]. Однако в этой утопии были и весьма реалистические моменты: перемена столицы для России никогда не носила формальный характер. Наоборот, это всегда означало смену строя жизни и мировоззрения. Так, Новгород – зародыш государственности и национального объединения – призвание варягов; Киев – православие и начало удельной системы; Владимир – преддверие Москвы; Москва – падение удельной федерации, царство, утверждение восточновизантийского стиля, новый порыв из «варяг в греки»; Петербург – Европа, обратный путь из «греков в варяги» с сохранением византийского наследия.

В оценках грандиозного леонтьевского замысла среди исследователей нет единодушия. Наиболее объективное понимание, на наш взгляд, изложил его современник Л. А. Тихомиров, который считал, что, вопреки утверждавшейся официальной идеологической трактовке концепции «Москва – Третий Рим» в духе создания русским самодержавием нового Рима, леонтьевский идеал подразумевал скорее обновление Россией Второго Рима – византийского Царьграда. Однако это означало не «простую реставрацию» Византийской империи, а восстановление традиционных византийских основ самой России [14]. С другой стороны, внешнеполитические построения К. Н. Леонтьева, в которых основное значение отводилось решению восточного вопроса, во многом стали результатом осознания им своеобразия геополитического положения страны в мире. В дальнейшем эта идея получила развитие уже в XX в. в концепции евразийства, актуальна она и в наше время в контексте геополитики России, Европы, Азии.

Культуролог был убежден в необходимости для России развиваться своим путем, обусловленным ее историей, самобытной жизнью и культурой. По его мысли, ей нельзя следовать за Европой, подражать во всем, в то же время нельзя и отказываться от правильно понятого социального научно-технического прогресса. Россия должна выбрать свой оригинальный путь развития, ибо западный путь, с его экономическим переворотом, может привести только к социализму и революции, а новый российский путь – к новой культуре и цивилизации. К. Н. Леонтьев писал: «...нам, русским, надо совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, стать, наконец, во главе умственной и социальной жизни всечеловечества. Для того же, чтобы стать во главе этого человечества и сказать свое слово, надо прежде всего отречься не от прогресса, правильно понятого, т.е. не от сложного развития социальных групп и слоев в единстве мистической дисциплины, но от двух ложных европейских принципов: 1) от утилитарно-эвдемонического, всеполезного, благоденственного направления реальной науки и заменить его честно-скептическим и во многих случаях даже пессимистическим направлением этой науки; и 2) от либерально-эгалитарного понимания общественного прогресса; и заменить это детское мировоззрение философией, более верною действительности, которая учит, что все истинно великое, и высокое, и прочное вырабатывается никак не благодаря повальной свободе и равенству, а благодаря разнообразию положений, воспитания, впечатлений и прав, в среде, объединенной какой-нибудь высшей и священной властью» [7, с. 7].

К сожалению, несмотря на предостережения ученого, Россия выбрала особый путь, но революционного развития к социализму и коммунизму, потребовавшего множества жертв и лишений миллионов людей.

В письмах к И. Фуделю, опубликованных в «Гражданине» в 1888 г., К. Н. Леонтьев дал глубокое и оригинальное осмысление в целом международной политики, проводившейся ведущими европейскими государствами. Он раскрыл основные тенденции мировой политики, показал судьбы различных государств, выявил моменты их возвышения, расцвета, разрушения и падения. Пришел к выводу, имевшему пророческое зна-

чение: «Все идет к одному – к какому-то средневропейскому типу общества и к господству какого-то среднего человека. И будут так идти, пока не сольются все в одну всеевропейскую республиканскую федерацию» [9, с. 167]. Происходящая в XXI в. все большая политическая, экономическая, военная, культурная интеграция в рамках Европы лишь подтверждает заключение культуролога, сделанное в конце XIX в.

Анализируя различные политические движения своего времени, К. Н. Леонтьев обращает внимание на тот момент, что, как правило, национальные, обособляющие, культурно-своеобразные цели приводили к космополитическому результату, т.е. результату совершенно противоположному тому, к которому стремились. В России, как и всегда, все протекало гораздо сложнее и запутаннее, чем в европейских странах, но тоже в направлении уравнивания, сглаживания различий, ассимилирования, стирания самобытности.

Немало внимания мыслитель уделил и такому актуальному вопросу, как взаимоотношения России с окраинами. Он считал, что «русификация окраин есть не что иное, как демократическая европеизация их» [10]. Предлагал ряд мер, которые приостановили бы эту тенденцию. И в этом он тоже оказался прав. Как показала практика, история России, а затем и СССР, процесс русификации приносил стране вред – экономический, политический, культурный, идеологический. Пока окраины оставались такими, какими были раньше, до присоединения к России или к СССР, они действительно как бы подталкивали страну к интенсивному развитию.

Культуролог высказал глубокие мысли и о социалистическом переустройстве общества, которые представляются теперь сбывшимся пророчеством: «Социально-политические опыты ближайшего грядущего (которые, по всем вероятностям, неотвратимы) будут, конечно, первым и важнейшим камнем преткновения для человеческого ума на ложном пути искания общего блага и гармонии. Социализм (т.е. глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратим, по крайней мере, для некоторой части человечества. Но, не говоря уже о том, сколько страданий и обид его воцарение может причинить побежденным (т.е. представителям либерально-мещанской цивилизации), сами победители, как бы прочно и хорошо ни устроились, очень скоро поймут, что им далеко до благоденствия и покоя» [6, с. 190]. Построение социализма К. Н. Леонтьев рассматривал как движение человечества к катастрофе, как новую форму рабства и феодализма, основанную на насилии, когда личность приносится в жертву безликому и чуждому обществу.

К. Н. Леонтьев проявил себя всесторонней и многоплановой личностью: философом, художником, эстетом, политиком, монахом, писателем, литературным критиком, врачом, дипломатом. Будучи поначалу либералом, вскоре становится охранителем и консерватором. Открыто и искренне сочувствуя славянофилам, он в борьбе против Запада, разлагающегося под влиянием либерально-эгалитарного прогресса, становится почти таким же западником, как Чаадаев и Герцен. Великий поборник православия, но его православие не русское, а византийское, греческое, привнесённое извне. Если в молодости своими духовными творениями мечтал пере-

делать мир, то закончил тем, что стал заботиться лишь о личном спасении. Его религия – это религия личного спасения, трансцендентный эгоизм. Будучи лично глубоко религиозным человеком, он проповедует религию страха, а не любви, религию суровую, деспотическую, подавляющую, а не возвышающую. Сформулировав всеобщий закон триединого процесса, Леонтьев, однако, считал, что историческое развитие происходит по воле невидимых и таинственных сил, знать которые не дано никому – причины исторического развития загадочны и неизвестны, а отсюда и его крайний фатализм. Являясь одним из великих русских мыслителей, не верил ни в Россию, ни в русский народ, как и вообще ни в какой другой народ, а верил в византийскую идею, в византийские начала, в византийское православие и византийское самодержавие. Стремился охранить Россию от либерально-эгалитарного прогресса путем «подмораживания», а также считал, что нужно оставить народ темным и безграмотным. Всю жизнь вынашивал и отстаивал основную идею – о необходимости и благотворности социального неравенства – как идею социальную, биологическую, моральную, эстетическую и религиозную, не считаясь с тем, что неравенство всегда приносило миллионам людей несправедливость, мучения, кровь и смерть. Для него неравенство было равносильно жизни, а равенство – смерти.

Несогласованность трех основных мотивов, господствовавших в творчестве Леонтьева, – религиозного, политического и эстетического, о которых писали многие русские классики, и прежде всего философ В. С. Соловьев, фактически есть не разобщенность, а диалектическое их единство, когда то один, то другой, то третий мотив превалирует над иными.

Несмотря на имеющиеся противоречия, К. Н. Леонтьев, автор своеобразной культурно-эстетической и религиозной историософии, является в русской социально-философской мысли и духовной культуре великой и оригинальной личностью, уникальной и неповторимой, идеи которой востребованы и во многом поучительны [12, с. 128–136].

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.

2. Долгов, К. М. Восхождение на Афон (Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева) / К. М. Долгов. – М. : Луч, 1995. – 268 с.

3. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 26. – 1984. – 518 с.

4. К. Леонтьев, наш современник : сб. / сост.: Б. Адрианов, Н. Мальчевский. – СПб. : Изд-во Чернышева, 1993. – 464 с.

5. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев // Собр. соч. : в 9 т. – М. : тип. В. М. Саблина, 1913. – Т. 5.

6. Леонтьев, К. Н. О всемирной любви / К. Н. Леонтьев // Собр. соч. : в 9 т. – М. : тип. В. М. Саблина, 1914. – Т. 8.

7. Леонтьев, К. Н. Письма о восточных делах / К. Н. Леонтьев // Собр. соч. : в 9 т. – М. : тип. В. М. Саблина, 1913. – Т. 5.

8. Леонтьев, К. Н. Письма отшельника / К. Н. Леонтьев // Собр. соч. : в 9 т. – М. : тип. В. М. Саблина, 1913. – Т. 5.
9. Леонтьев, К. Н. Племенная политика как орудие всемирной революции / К. Н. Леонтьев // Собр. соч. : в 9 т. – М. : тип. В. М. Саблина, 1913. – Т. 6.
10. Леонтьев, К. Н. Православие и католицизм в Польше / К. Н. Леонтьев // Гражданин. – 1882. – № 101.
11. Леонтьев, К. Н. Русские, греки и юго-славяне. Опыт национальной психологии / К. Н. Леонтьев // Собр. соч. : в 9 т. – М. : тип. В. М. Саблина, 1913. – Т. 5.
12. Михеев, В. М. Идеология : размышления и выводы / В. М. Михеев. – Минск : Тонпик, 2004. – 316 с.
13. Соловьев, В. С. К. Н. Леонтьев / В. С. Соловьев // Энцикл. слов. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. – СПб., 1896. – Т. 34. – С. 562–564.
14. Тихомиров, Л. А. Русские идеалы и К. Н. Леонтьев / Л. А. Тихомиров // Русское обозрение. – 1894. – № 10.

V. MIKHEEV

THE CULTUROLOGY OF K. LEONTIEV: THE TRIUNE FORMULA OF DEVELOPMENT

The article is devoted to the analysis of the theoretical heritage of the Russian culturologist of the second half of the XIX century, K. Leontiev, and his contribution into social and philosophical thought of Russia.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 08.08.2013.

УДК 165.62:821.161.3.09 Колас

В. І. ВЯРБИЦКАЯ

ФЕНАМЕНАЛОГІЯ ТВОРЧАСЦІ ЯКУБА КОЛАСА

Прааналізаваны падыходы да разумення інтэнцыянальнасці ў тэарэтыка-метадалагічных працах Э. Гусэрля. Выказана меркаванне аб феноменалагічным тыпе творчасці класіка беларускай літаратуры Якуба Коласа. Вызначана паняцце «этнакультурная інтэнцыянальнасць», уасобленае ў творчай спадчыне народнага паэта.

Уяўленні аб культуры абумоўліваюцца тым, як яе суб'екты імкнуцца ўбачыць, даследаваць і асэнсаваць тыя ці іншыя з'явы, якія ў іх свядомасці атаясамліваюцца са светам культуры. У розных галінах гуманітарных ведаў культура разумеецца спецыфічна, у адпаведнасці з мэтай і задачамі канкрэтнай навукі.

Культуралагічнае ўяўленне аб культуры адрозніваецца ад звычайнага тым, што яно звязана з неабходнасцю вызначэння сутнасці, зместу і сэнсу